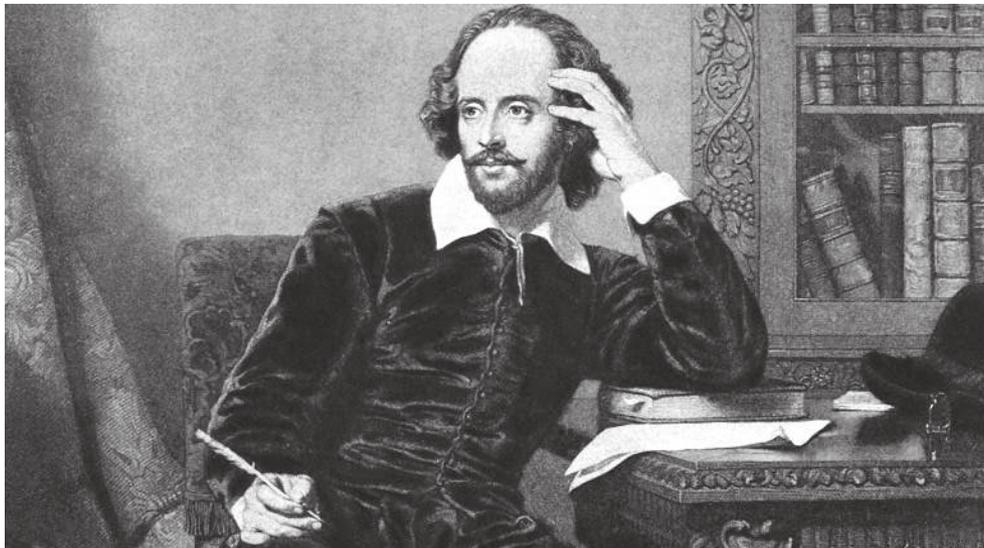

В 2008 г. петербургское издательство «Амфора» выпустило книгу с переводами и комментариями С. Степанова, который придерживается рэтлендианской теории происхождения сонетов, а именно: вовсе не Шекспир творил свои строки, а Елизавета (дочь известного в те времена поэта Ф. Синди), её муж Рэтленд (Роджер Мэннерс) и граф Пембрук (он же Уильям Герберт).

Перевод сонетов, мягко сказать, не был дословным. Таковым в поэзии он в принципе быть не может, но из переведённого текста в ряде сонетов, по моему мнению, исчезли важные, ключевые слова, характеризующие богатство словарного запаса первоисточника. Например, исчезли такие слова, как «хибарка», «себялюбец» и пр., на месте «ливреи» появился «камзол» и т. п. Однако дословный перевод той или иной строки в отдельных случаях и вовсе может оттолкнуть читателя, а по-русски это звучало бы грубо и косноязычно. Кроме того, сонеты Шекспира были изданы в 1609 г., а в современных словарях многих слов того времени нет и в помине.

Шекспировский текст богат, красноречив, игрив и многогранен, как и те человеческие отношения, о которых говорится в сонетах: основная их тема – продолжение человеческого рода и размышления о творчестве.

В обилии известных ныне переводов не хватает порой художественной речи и глубины интриги, остроумия, игры смыслов, в них теряются намёки, переводы зачастую строятся на упрощении человеческих взаимоотношений и значения творчества, на глагольных рифмах. Как правило, изучением оригиналов занимаются так называемые «профессиональные» переводчики, которые, к сожалению, не владеют поэтическим даром. Гениальный поэт-переводчик и вовсе редкость. О вкусах, конечно же, спорят, но Шекспир и теперь – огромная глыба, в которой, как в драгоценном слитке, сокрыто ещё много тайн, а каждый новый перевод ведёт к сближению культур и народов, развивает русский язык, художественные возможности которого не ниже, чем у английского. Современное прочтение У. Шекспира продолжается...

«КТО-ТО С РОЖДЕНИЯ ОБРАЗОМ ВЕЛИКОЛЕПЕН...» (вольные переводы избранных сонетов У. Шекспира)

6.

Пока рука твоей зимы железно
Не забрала цветущих, летних сил,
Найди своим былым богатствам место,
Ведь ты и сам почти *себя* убил;

Ростовщика тогда удел не страшен,
Когда у счастья взят большой заём
И «я» твои, как будто десять башен,
Как сотни звёзд, пылают даже днём;

Тогда ты будешь радостен и властен,
Когда продлится вечность для тебя.
Но почему ты нем и безучастен –
Живёшь, бывшее в будущем губя?..

О себялюбец, мир устроен тонко:
Под камнем червь не даст тебе потомка.

8.

Музыка сердца твоя почему-то грустна...
Счастье – по счастью, но струны восторгу не рады.
Или любовь твоя, та, что не мною дана,
Черпает счастье, увы, от глубокой досады?

Если родник твой заброшен, замусорен, слаб
Или безбрачия русла ему слишком милы,
Сделал ты брань свою глупой – беспомощный раб,
Части разъявший в корнях безутешной могилы.

В долгих веках начерчу тебе образ один:
Вдарим по струнам своим совершенно взаимно,
Чтоб на тебя был похожим желанный наш сын,
Чтоб раздавались мотивы семейного гимна!

Если же в музыке будешь, как прежде, уныл,
Станет для всех бесполезным наш творческий пыл.

9.

Ты радость свободы, приятель, изведаль сполна,
Осенние ветви давно на ветру не упруги:
Исход неизбежен, а я безутешна – жена;
Какие ещё для тебя совершить мне потуги?

Весь мир для тебя может стать озарённым окном,
Окном моих глаз просиять в глубине небосвода,
Где плач тишины повсеместно скажет о том,
Что жду от тебя одного: продолжения рода;

Увёртки твои – это только увёртки твои,
Арена твоя – это только твоя постановка.
Скупой расточитель, житейские драмы твори!
А мне за тебя и смешно, и немного неловко:

Убийственен стыд прозябать целый век не в чести,
Коль даже потомка боишься произвести.

21.

Муза твоя поразительно сладкоголоса,
Вся разрисована в лживом словесном угаре,
Выше небес себя мнит её глупая поза –
И репетирует, словно актёр на базаре;

В стыках сравнений горда и ничуть не стыдлива,
Солнцем, луной и землёй её образ удвоен,
Камнем заморским, цветком: недурная нажива;
Воздух тобой сотрясён, изрубцован, как воин.

Истинна только любовь, но в объятых распада
В лоно куплета для всякой душевной улады
Вряд ли возьму я черты нерождённого чада,
Вряд ли сравню его с золотом вечной лампы.

Как бы у Музы твоей выход ни был хорош,
Пламень души не сжигают за ломаный грош!

66.

Устал во всём, пред смертью я кричу,
Как будто нищий, брошенный в пустыне
И облачённый в рваную парчу, –
Один среди своей слепой гордыни,

С которой жизнь растратила слова,
А честь взята, как дева, грубой силой,
И правда тщетна, призрачна, слаба,
Как зыбкий крест над каменной могилой;

И нет пути: искусство сожжено
Косноязычной властью, словно лестью;
Тянусь к тебе бесплодно, как пшено,
Как будто пленник, схваченный болезнью:

Я был влюблён, но получил взамен
Лишь пустоту, стенания и тлен...

78.

Тебе так часто, Муза, слал призывы,
Что ты сходила справедливо в строфы;
Теперь чужие пёрышки игривы
В лучах своей лирической Голгофы:

Твои глаза учили петь немого
И в небеса невежу возносили,
Ему отдав за верность слишком много –
В учёности и в совершенном стиле;

Конечно, был мой стих компилятивен,
Но плоть его слыла гореньем духа;
Иной поэт теперь весьма наивен –
Перед началом замкнутого круга.

Твоё искусство – всё моё искусство,
А всё, что грубо, – вычурно и пусто!

82.

Я образ твой не дал смешливой Музе,
И потому её интриги слепы:
Творцы вдыхают в трепетном искусе
Её огонь, достойный всякой скрепы;

В твоём искусстве остроумен, ярок
Огонь души – предел, который резок;
Зачем сжигать для новых дней огарок –
И свежесть штампу придавать в довесок?

Итак, любовь, с которой смысл – потеря,
Твоим делам у замкнутого круга
Сочувственна, но, никому не веря,
Правдивый мир звучит словами друга:

Пока налиты щёки твои кровью,
Не нужно роз и красок к изголовью.

91.

Кто-то с рождения образом великолепен,
Кто-то искусен в охоте, нарядах, наживе,
Кто-то же моден до первых язвительных сплетен,
Кто-то оценит красу в ястребах или в гриве;

Каждому юмору есть игровая площадка,
Каждому сердцу – своя игровая манера;
Радость игры не заменит сухого остатка,
Эти детали, увы, не моя полумера:

Сердце в любви выше титула знатного предка,
Выше богатства, ценнее бесценного платья;
Если ты любишь, то ястребу – пуля иль клетка,
Лошадь и псы упадут в земляные объятия;

Да, я несчастен, поскольку в себе ты вместила
Всё, что ценил я: твоя удивительна сила.

99.

В своём саду фиалке я изрёк:
«Свежа, горда, немного диковата...
Откуда лоск почти пурпурных щёк?
Откуда столько серебра и злата?..

Моя любовь к тебе была груба
За волосы – соцветья майорана,
За холод лилии, вкраплённый в просинь лба,
За стебель розы – с поступью обмана:

Одна румяна – вплоть до белизны,
Бледна другая – от своей румяны;
Глаза одной бессовестно честны,
А стан другой – почти одни изъяны...»

Мои цветы – всего один цветок,
Который свеж, но всё же одинок.

100.

Искусство, о Муза, тобою забыто навеки,
Душа вдохновением Слова ничуть не согрета,
Истрачена ярость, закрыты тяжёлые веки:
Загробные силы займы попросили у света.

Опомнись, встряхнись! И не жди от упадка улады:
Ушедшие годы для жизни всегда молчаливы;
Воспой даже то, что твои не приемлют баллады,
Чтоб голос твой рос, словно стебель, из творческой нивы.

Восстань из песка, из земли или даже из ила,
Усмешкам оставь и печаль, и чело, и морщины:
Враги, по привычке клубясь неуместно и гнило,
Для времени станут лишь горсткой рассыпчатой глины.

Восславь же любви золотые рассветные росы –
Над мёртвой Пустыней, где сумерки многоголосы.

104.

По мне, мой друг, ты будешь молодым
Почти всегда, состаришься едва ли,
Как будто свечи трёх холодных зим
В лесных хибарках лет не догорали –

И три весны в осенний жёлтый сад
Не уходили в отзвуках расщелин,
В июне трёх апрелей аромат
Не угасал: ты, как и прежде, зелен.

Но красота – ни стрелка на часах,
Круги которой с замедленьем милы,
Ни образ твой, что спит в моих глазах,
Передо мной, и забирает силы:

Узнаешь ты, когда наступит час,
Что летний свет уже давно погас.

Моя душа огнём осаждена –
И по-бунтарски яростна, мятежна:
В оковах тела, словно раб, бедна,
Но изнутри бела её одежда;

С большой цены не нужно мелких сдач,
Смешна покупка каменной палаты:
Наследник тлена – земляной «палач» –
Исчертит жизнь и иссечёт растраты;

Убыток слуги скорбно понесут,
Свою тщету молвой преумножая;
Бесплоден «шлак», явившийся на Суд,
Ущербна плоть перед вратами рая:

Съедает смерть безропотно людей,
Но смерть для Смерти – смысл грядущих дней!

